

- Что вы себе позволяете? Тот человек ведь уже покончил с собой, признав свою вину, - громко закричал Шак, прерывая Боростая.

Орвица объяснил:

- Тот господин невиновен.

- Невиновен, почему тогда покончил с собой? - возразила герцогиня. - Этот фарс должен закончиться. - Она посмотрела на Чендлера. - Эдвард оставил ему огромное наследство.

- Возьмите свои слова обратно, герцогиня Сиска! - лицо Чендлера тут же потемнело. - На что вы намекаете? Что король посягает на имущество своих подданных?! Это оскорбление Нортонской империи!

Даже Орвица мысленно кивнул: "Разве не посягает?"

Но когда Чендлер с праведным гневом высказал своё возражение, все вынуждены были склонить головы, а герцогиня - с самым смиренным и испуганным видом:

- Я сказала не то. Простите мать за минутную слабость.

Её величество королева просто с ума сошла от жажды денег.

Но в этом мире многое можно делать, но нельзя говорить.

- Раз так, то, Шак...

- Ваше высочество, - все думали, что герцогиня теперь замолчит, но она снова заговорила, назвав Чендлера по титулу. Чендлер, нося красную форму Королевской полиции, был Уильямом Чендлером, и это не было секретом, герцогиня знала. - Ваше высочество, все присутствующие потеряли своих самых любимых родственников или друзей. Мы сейчас лишь надеемся, что это дело как можно скорее закончится, и мы сможем пойти домой, чтобы почтить память усопшего, а не сидеть здесь и играть с вами в детективов.

- Это не игра, мадам, - Чендлер выпрямился. - Все ваши слова я позже передам её величеству. А сейчас, прошу, пусть ваш сын сядет и вытянет ногу!

Лицо герцогини стало почти таким же белым, как у только что покончившего с собой секретаря. Её сыновья тоже побледнели. Тот преждевременно постаревший господин в конце концов послушно сел и вытянул ногу.

Боростай снова опрыскал его подошву. В темноте вспыхнул синий свет.

Даже во второй раз получив такое обращение, Шак всё равно испугался. В конце концов, для человека, не сталкивавшегося с подобным, этот свет в темноте действительно походил на след призрака.

- И что это может значить? Когда мы обнаружили эту трагедию, Шак был немного взволнован, что привело к некоторым столкновениям. Мы, конечно же, все знаем, что, наступив на кровь, ... - с отвращением сказала герцогиня. - Этот свет появится. Но у нас у всех он есть. Неужели вы хотите сказать, что мы все вместе убили Эдварда?

- Этот вопрос лучше пусть объяснит офицер Мондэйл, - хотя он действительно не знал, но, отступив в этот момент, Боростай почувствовал себя немного неловко.

Он украдкой посмотрел на Орвицку, но встретил его улыбку – искреннюю и тёплую. Орвицка, встретившись с ним взглядом, кивнул ему, и Боростай вздохнул с облегчением.

Орвицка открыл свёрток. От резкого запаха перца все зачихали, а дамы тут же достали платки и прикрыли носы.

– Дамы и господа, позвольте мне объяснить известные на данный момент обстоятельства дела.

Это были аристократы, с которыми даже Чендлеру приходилось быть осторожным, а Орвицке – тем более.

– Значит, вы просто увидели следы, ведущие в другую ванную, и заподозрили неладное, верно? Вы действительно такой же внимательный, как о вас говорят, господин Мондэйл, – герцогиня улыбнулась. – Я думаю, вы ошиблись. Шумная ванная раздражала Шака, поэтому он пошёл в другую, более тихую. Это можем подтвердить и мы, и двое полицейских, которые были там в то время.

Что касается этой одежды, мы не знаем, кто её там бросил. Ещё и с дорогим перцем? У владельца этой одежды странный вкус. Хе-хе-хе.

Она прикрыла пол-лица платком, но её смех был приличным и весёлым.

– Что касается порванного рукава... он молодой человек, а молодые люди всегда бегают и прыгают. Разве удивительно, что его одежда порвалась?

– Удивительно, мадам, – сказал Орвицка.

Весёлость на лице герцогини тут же сменилась удивлением:

– Я не знаю, хвалить ли вашу смелость или смеяться над вашей глупостью, господин... офицер.

– Если вы непременно хотите что-то сказать, то хвалите мою преданность её величеству королеве. Я получил приказ от её величества расследовать причину смерти графа империи, члена Верхней палаты, и я доложу её величеству обо всём. Поэтому сейчас вы можете отказаться от права на наследство и уйти со своими детьми. Или же вы все можете остаться и сотрудничать со следствием.

Даже Чендлер был немного напуган, хотя внешне он этого не показывал.

Герцогиня перевела взгляд и в конце концов села:

– Мы будем сотрудничать со следствием, офицер Мондэйл.

– Благодарю за понимание, мадам, – поклонился Орвицка.

Герцогиня ответила деловой улыбкой.

– Ма-мама...

– Слушайся, Шак. Я думаю, офицер Мондэйл найдёт доказательства, которые всех убедят, – герцогиня лишь мельком взглянула на него, затем подняла руку, и другой мужчина взял её за кончики пальцев, уводя в сторону.

– Господин, прошу, пройдите с нами для снятия отпечатков пальцев.

- ... - он не хотел, но герцогиня не возражала, и этому господину пришлось подчиниться.

Его отпечатки пальцев совпали с отпечатками на окне ванной. Именно он открыл окно и выбросил одежду.

Сверку провели на месте, и, когда Шерри кивнула Орвицке, тот "дружелюбно" улыбнулся Шаку. Тот от страха вздрогнул.

- Кто ещё с вами дрался?

- Хиссен Тодд, Лабель Карлофис, Донна Карлофис, Бобби Карлофис, - он назвал имена двух мужчин и двух женщин. Все четверо были здесь. Вместе с Шаком получалось трое мужчин и две женщины.

Услышав свои имена, все четверо повели себя неестественно. Трое из них носили фамилию Карлофис, а у оставшегося верхняя часть лица и овал были очень похожи на остальных. Скорее всего, все четверо были сводными братьями и сёстрами: трое законных и один незаконнорождённый. У незаконнорождённого на подбородке был синяк, и... его одежда, кажется, была ему не по размеру?

- И ещё?

- Больше никого, - ответил Шак. Он смотрел на Орвицку, держа одну руку в кармане и постоянно что-то в нём теребя. Он очень нервничал.

Этот ответ был очень странным. Орвицка ожидал, что он скроет имя одного из мужчин или женщин, но кто бы мог подумать, что он скроет присутствие трёх полицейских? Неужели он тоже знал, что на их обуви есть следы крови, и это не скрыть?

- Во время вашей драки не было полицейских?

Шак и остальные двое мужчин и две женщины на мгновение опешили:

- Полицейских? Нет, тогда полицейских не было.

- Тогда, пожалуйста, расскажите, как вы узнали и приехали в кабинет графа? Что вы делали после того, как обнаружили тело графа?

Почему ваши следы есть и там, и там? Это означает, что вас, с одной стороны, толпой повели в обычную ванную, чтобы промыть раны, а с другой - вы в одиночку пошли в ванную в спальне вашего отца, приняли душ и выбросили свою прежнюю одежду из окна?

И сейчас вы все одеты прилично. А ваша одежда? Кто принёс вам новую одежду?

- Меня известил Уилли Крейг. Этот тип велел мне прийти, сказал, что отец хочет меня видеть. Когда я пришёл, увидел их.

Шак указал на тех четверых. Как только их взгляды встретились, Орвицка почувствовал напряжение, словно "Боевая готовность! К бою!".

Они, как бойцовые петухи, смотрели друг на друга три секунды. Остальные либо сидели с безразличным видом, либо подняли руки, готовые в любой момент броситься в драку.

- В доме было темно, только на втором этаже, в "его" кабинете, горел слабый свет, и мы

поднялись. Затем мы увидели "его" тело. Я тогда испугался и хотел уйти. Но этот тип хотел найти "его" завещание.

Шак указал на того единственного незаконнорождённого.

- Я остановил его, и мы подрались. Кто бы знал, что у него был нож? Он меня дважды порезал, кровь тогда залила всё, и они набросились на меня и повели в ту ванную.

Но их было слишком много, мне стало не по себе. Я подумал, что в спальне "его" тоже должна быть ванная, и я пошёл туда и принял душ. А одежду... потом появился Уилли Крейг и дал нам чистую одежду, наверное, "его". А потом мы вызвали полицию.

Сменную одежду забрал Уилли Крейг, я не знаю, что с ней стало.

- Господин Тодд, прошу вас. Расскажите, как вы сюда попали и что произошло потом?

- Меня тоже известил господин Крейг. Он нанял посыльного. У входа я встретился с другими господами и дамами. Когда мы пришли, здесь было темно, только в кабинете отца горел слабый свет, и мы поднялись...

Другой господин Карлофис:

- В кабинете отца горел слабый свет, и мы поднялись...

Те две дамы:

- В кабинете горел слабый свет...

Даже если бы Орвицка не смотрел детективных фильмов, слушая их показания, в которых ключевые фразы были абсолютно одинаковыми, он бы понял, что это был сговор.

- Господин Крейг не сказал вам, зачем он вас позвал?

- Не сказал.

- Не знаю.

- Вы увидели тело графа, явно умершего не своей смертью, и не удивились?

- Мы, конечно, удивились, мы все испугались.

- Мы верим в Королевскую полицию.

- Да, мы знаем, что в Королевской полиции есть офицер Мондэйл.

- В нормальной ситуации, будучи его детьми, вы бы схватили господина Крейга и спросили, что произошло, верно?

- Мы спросили, он сказал, что тоже не знает.

- И вы поверили?

- Он был... отцу... я думаю, вы тоже знаете?

- Он был с отцом дольше, чем моя мать.

- Но кто бы мог подумать, что он действительно убийца?
- Да уж, ужас.
- Вы все знали?
- В семье "он" от нас этого не скрывал.
- Но тот, кто проболтается, лишится наследства.
- Кто убирал пол?
- Откуда мне знать такие вещи?
- Может, люди, которых нанял господин Крейг?
- Конечно, сам Крейг и убирал.

Они, похоже, давно были уверены, что секретарь не даст показаний. А на все сложные или сомнительные вопросы они просто сваливали вину на него.

- Позвольте мне спросить невежливо, но вы четверо, среди ваших братьев и сестёр, не самые ли "проблемные"? Ну, не нужно отвечать словами, я понял.

Выражения лиц всех присутствующих прямо ответили на этот вопрос. В большой семье графа эти четверо, должно быть, были самыми известными "проблемными" детьми.

- Спасибо за сотрудничество.

Затем Орвицка с Далианом и Чендлером поднялся наверх. Они не пошли в ванную, где умер секретарь, а нашли пустую комнату:

- Это дело сложнее, чем я думал. Кроме следов и одежды, всё остальное слишком тщательно продумано. Не похоже, что эти четверо взрослых детей на это способны.

Особенно Шак. Он - маменькин сынок, прожигатель жизни и слабак. Убить отца в порыве гнева - возможно, но когда мы приехали, кроме кровавых следов в кабинете, остальные следы без призрачного реагента были бы незаметны, включая этот свёрток с одеждой в мусорном баке.

Если бы не призрачный реагент, я бы, скорее всего, тоже подумал, что это сделал секретарь. Его предсмертные слова слишком походили на признание.

- Расследуй дальше, Орвицка, - серьёзно сказал Чендлер, всем своим видом показывая, что он возьмёт на себя всю ответственность.
- Я думаю, её величество королева тоже этого хочет.

Орвицка положил ему руку на плечо, чтобы тот не волновался.

- Я сказал "сложное" просто потому, что дело сложное, я ни на что не намекал. Но сейчас, говоря о её величестве королеве, я действительно на что-то намекаю. Нет, это уже прямое указание.

- ? - Чендлер на мгновение растерялся. - Э-э... ты имеешь в виду...

- В последнее время в верхах есть какие-то проблемы?

Королева была сильной личностью, и она знала, кто такой Орвицка. Возможно, раньше она позволяла Чендлеру расследовать дела просто как хобби. Но в последнее время Чендлер начал заниматься политикой, и каждый его шаг становился всё более важным как для королевы, так и для подданных.

Тогда то, что она позволила Чендлеру вмешаться в дело о неестественной смерти влиятельного графа, в котором были замешаны и другие влиятельные аристократы, выглядело многозначительно.

Королева была из тех великих людей, что говорили: "Деньги я хочу, всё остальное я тоже хочу, я хочу всё!"

- Герцогиня Сиска... Имперская партия... действительно... в последнее время... метро и Всемирная выставка, кажется, вызвали у них некоторое недовольство. Ты же знаешь, Имперская партия - это крупные землевладельцы! - чем больше Чендлер думал, тем ярче горели его глаза.

- Тсс, не говори мне. Я просто обычный полицейский, расследующий дело.

Орвицка приложил палец к губам, давая понять Чендлеру, чтобы тот сам подумал об этом.

- Боростай, нашли полицейского с флуоресцентными следами на сапогах?

- Нет, - Боростай сначала покачал головой, а потом кивнул. - Э-э, нельзя сказать, что нет. Но они все запачкали сапоги кровью в других местах. Вы же знаете, полицейским всегда приходится сталкиваться с чем-то. Многие запачкали сапоги кровью несколько дней, а то и десять дней назад. На всё это есть свидетели.

Этот призрачный реагент действительно очень сильный. Не думал, что можно обнаружить кровь почти двухнедельной давности.

- Позовите судмедэксперта, пусть осмотрит секретаря. Я позже поговорю с теми двумя полицейскими.

- У нас уже есть отпечатки кровавых следов, я могу сразу отправить их на сверку.

Следы от полицейских сапог были не совсем чёткими, а изношенными. Обычные следы износа уникальны, и даже если глаза Рода Крови не могут их различить, то глаза оборотней - могут.

Однако Орвицка всё же решил сначала поговорить с теми ненадёжными свидетелями. В конце концов, опрыскивание полицейских сапог реагентом уже было проявлением недоверия, а ещё и сверка следов могла вызвать возмущение у полицейских. Но Боростай сам это предложил.

- Кстати, это Утун... местные полицейские, должно быть, из Утуна?

- Краларос тоже снаружи. Он, э-э, немного застенчив. Да, застенчив. Но мы, конечно же, будем полностью с вами сотрудничать. И вам не стоит беспокоиться, что полицейские будут недовольны. Они очень рады.

- Рады? - Орвицка был ещё больше озадачен, потому что тон и выражение лица Боростая не

были похожи на лесть, а были искренними.

- Да, на самом деле... они очень рады, что вы нашли им ещё один способ заработать.

- Заработать? Сопровождать рабочих?

- Да.

- В Утуне тоже не хватает денег?

- Полицейским низкого ранга всем не хватает денег. В конце концов, каждый должен содержать семью, - этот, казалось бы, "высокопоставленный" Боростай, неожиданно сказал такие слова. - И, к тому же, они все знают, что вы часто присылаете вещи в разные полицейские участки. Вы не такой, как те аристократы, которые делают пожертвования. Они все с радостью будут с вами сотрудничать.

- ...

Отправлять вещи в полицейские участки было для него обычным делом. У него было слишком много разных предприятий. Часть продукции шла на внутреннее потребление, часть - на экспорт, а небольшая часть была бракованной. Максим спросил его, что делать с этой продукцией, и Орвицка, подумав, решил отправлять её в качестве гуманитарной помощи в другие, дружественные полицейские участки. Его собственные люди, в зависимости от выполнения работы, каждый месяц получали разные купоны, по которым могли получать товары в своих магазинах.

Он не отдавал их рабочим на своих фабриках, потому что был уверен, что как только он это сделает, процент брака на фабриках резко возрастет. Это была не проблема морали рабочих, это была проблема человеческой природы.

Эти вещи были самыми разными: одеяла, простыни, рубашки, шарфы, подушки, обувь, бамбуковые корзины, матрасы, стулья, шторы, вазы и так далее.

Кроме того, фургончики с жареной курицей и ларьки с едой, хоть и носили название района Рыбьего Хвоста, но в основном работали на чужой территории. Поэтому нужно было давать некоторую выгоду и полицейскому участку, и патрулирующим эту территорию полицейским.

Орвицка не давал денег, он давал еду. Чёрт его знает, куда бы пошли эти деньги и во что бы они в итоге превратились. В этом он не доверял даже Краларосу из Утуна и Хоутмари из порта Сопа.

Давая вещи, особенно еду, по крайней мере, нижние чины полиции получали реальную выгоду.

Орвицка думал, что полицейские не заметят его "умысла".

- Ваши усилия не напрасны, господин, - поклонился Боростай.

- Спасибо...

Когда Орвицка пошёл осматривать тело секретаря, Далиан, шедший рядом, коснулся его пальцев.

Орвицка посмотрел на него. Далиан улыбнулся, и Орвицка не мог не улыбнуться в ответ. Но, собираясь улыбнуться, он понял, что его губы уже растянуты в улыбке. Улыбка на лице

Орвицки была самой искренней за последние несколько месяцев.

Хотя они ушли немного поспешно, Йордни (оборотень) не пошёл со всеми вниз, а остался охранять ванную, где умер секретарь.

Всего за десять с небольшим минут кровь на шее секретаря перестала течь, а кровь на полу в основном свернулась.

В его пиджаке не было ни полезных улик, ни даже одного айко.

Орвицка обшарил тело с головы до ног, но... ни одного айко.

Боростай привёл судмедэксперта и его ученика. Пришёл и Краларос, а с ним ещё один незнакомый офицер.

В конце концов, это была территория Кралароса. Боростай кивнул ему, уступая слово. Краларос с благодарностью улыбнулся ему:

- Ни один из наших людей не совпадает со следами.

Отвечая так Орвицке, Краларос вздохнул с облегчением. Он только что утвердился на посту начальника, но некоторые старики в участке всё ещё искали к нему придирки. Если бы в этом деле были замешаны его подчинённые, ему бы тоже досталось:

- Но у нас есть некоторые зацепки.

Он помахал рукой, и тот незнакомый офицер вышел вперёд:

- Мы каждый год получаем новые сапоги, поэтому многие продают старые. Сапоги на оттиске сильно изношены, скорее всего, это наши проданные сапоги.

- Кто обычно покупает наши сапоги?

- Некоторые наёмники, главари банд, частные детективы, телохранители богачей и тому подобные.

- Спасибо.

- Рад служить вам, офицер Мондэйл, - офицер с радостью отдал честь и ушёл.

Эта зацепка давала слишком широкий круг подозреваемых, но лучше, чем ничего.

Чендлер:

- Богатые люди не носят старые сапоги.

Краларос:

- Не обязательно. А если он хотел полностью скрыть свою личность? Купить в секонд-хенде старую одежду - лучший способ скрыть свою личность.

Боростай:

- Человек с положением, как бы он ни хотел скрыть свою личность, если только его не



принудят к этому, не наденет старую одежду.

Далиан:

– Я думаю, эти трое, возможно, не были главными зачинщиками, они были просто "исполнителями". И, судя по имеющимся уликам... Шак действительно выбросил из окна ванной свёрток с одеждой, и, возможно, эта одежда действительно была его. Но тот, кто подобрал этот свёрток и, посыпав его перцем, выбросил в мусорный бак, мог быть другим человеком.

– Согласен, – Орвицка был полностью согласен. – Это объясняет, почему осталась только одежда Шака. Секретарь, скорее всего, был под контролем и действовал под принуждением... но раз уж он не боялся смерти, почему не сказал больше перед смертью?

<http://bllate.org/book/17916/1715966>